— Это глубокая рана, Морганаадт, — скептически бросил Рагнук, глядя на своего сына, чье лицо было бледным, как лунный свет. — Моя жена — целительница, но даже она бессильна...— Я лишь прошу попробовать, не более того, — ответил Сэл, его глаза блеснули тёмным, почти магическим огнём. Рагнук посмотрел на умирающего сына, затем на Сала, на его уверенную осанку, на посох, что тот держал в руке. — Пусть будет так, Морганаадт. Это может помочь. Сэл кивнул, взял у сына кожаную сумку, полную трав и зелий, и высыпал их на землю. Затем, с быстротой, не свойственной его обычно спокойному нраву, он начал чертить руны, иероглифы, символы. На земле появились круги, пентаграммы, линии, переплетающиеся в сложный узор. Взмахом посоха он превратил землю в ритуальный камень, сияющий в лунном свете. — Не входите в щит-руны, — остановил он семью гоблинов, когда они приблизились, — я не могу допустить, чтобы кто-то нарушил их чистоту. Семья отступила на два шага, с тревогой глядя на ритуальный круг. — Что это? — спросил Рагнук, его голос дрожал.— Ритуальное исцеление, — ответил Сэл, — не уверен, что кто-то ещё занимается этим, но это... хорошо послужит моей цели.— Темный ритуал? — Рагнук засомневался, его глаза сузились. — Не темный, — ответил Сэл, его голос был спокоен, но в нём слышалась твёрдость, — я не буду убивать, чтобы исцелить. Ритуальная магия никогда не была исключительно темной. Всегда есть светлая и темная сторона вещей. И с этими словами он активировал руны. Время во внутреннем круге остановилось, и кровотечение мальчика прекратилось. Внешний круг продезинфицировал рану, а остальные уравновесили магический поток, чтобы не нарушить ритуал.— Это сонное зелье, — сказал Сэл мальчику, протягивая ему флакон, — а это трава, чтобы скрыть боль. Он знал, что комбинация, которую он давал, опасна, но его запасы были ограничены. Мальчик послушно прожевал траву и выпил зелье. Его веки дрогнули и закрылись. Сэл подождал, убедившись, что мальчик спит, затем достал кинжал и порезал себе запястье. Кровь потекла на нарисованный круг. Круги загорелись, один за другим, словно огоньки, разбросанные по ночному небу. Сэл написал несколько рун своей кровью на лбу мальчика, на его запястьях и лодыжках. Затем он сделал то же самое на себе. Руны засияли, поляна озарилась ярким светом, который затем стал мерцать красным. Мальчик был связан с силой Сала. Это будет утомительно, но это привяжет душу мальчика к его телу. Сэл глубоко вздохнул, затем начал очищать раны. Они были ужасны, гораздо более смертоносны, чем выглядели. Ему пришлось мысленно призвать все свои знания о целительстве, чтобы начать чинить органы. Он чинил один за другим, делая паузы, чтобы убедиться, что магия мальчика не препятствует ее естественному течению. Руны, иероглифы, травы и зелья медленно чинили органы. Наконец, последний из органов снова выглядел так, как должен был. Сэл сделал еще один глубокий вдох, трансфигурировал иглу, простерилизовал её в призванном пламени и начал зашивать внешние раны. Он знал, что существуют заклинания для этого, но не решался их использовать. Они нарушили бы работу заклинаний, которые он использовал для лечения внутренних органов. Мальчик будет жить с тяжелыми шрамами, но это было лучше, чем умереть. Он продезинфицировал шов, перевязал раны, затем осторожно уничтожил ритуальный круг и руны на лбу, запястьях и лодыжках мальчика. — Теперь вы можете идти, — сказал он семье гоблинов. Мать бросилась к сыну, но остановилась, не дотронувшись до него. — Как он? — спросила она, её голос был хриплым от страха.— Может, спросишь его сам? — усмехнулся Сэл, глядя на мальчика, который только что открыл глаза. — Что ты чувствуешь, мой мальчик?— Странно, — ответил мальчик, его голос был слабым, — у меня ничего не болит, но на талии что-то стягивает. — Возможно, это повязка, — усмехнулся Сэл, — я не мог залечить твои внешние раны, потому что боялся нарушить мою работу с твоими внутренними ранами. Все должно зажить естественным путем, мне очень жаль.— Но он будет жить? — с надеждой спросил Рагнук.— Ну, он в сознании и, кажется, в порядке, — ответил Сэл, — так что если ничего не пойдет ужасно плохо, то да, будет. Но скажи мне, как получилось, что твой ребенок так пострадал?— Мы живем недалеко отсюда, — ответил Рагнук, — мой мальчик играл здесь. Я не знаю, что случилось, но я знаю, что он не вернулся, когда должен был, поэтому я и моя семья начали его искать. Когда мы его нашли, он был весь изранен. Моя жена пыталась

вылечить его, как вдруг появились эти подонки и обложили нас. А потом пришел ты — это все, что я знаю.— Они пришли и ранили меня, когда я играл, — сказал мальчик, его голос был мрачным, — они оставили меня в живых — я думаю, они планировали дождаться, пока моя семья найдет меня, чтобы расправиться со всеми нами.Для Сала юный гоблин был ещё одним мальчиком, которому предстояло повзрослеть больше своих лет. Он вздохнул. Он ненавидел это. Дети должны оставаться детьми — они должны играть, смеяться и жить. Они не должны быть убиты во время игры или в страхе за свою жизнь... Он отогнал свои мысли, чтобы снова направить их в настоящее. — Что ж, они не сделают этого снова, — холодно сказал он, глядя на пленных колдунов, которые смотрели на него со страхом в глазах, — когда их наконец освободят отсюда, они больше никогда не подумают о том, чтобы причинить кому-то вред. — Почему? — спросил Рагнук, обращаясь к колдунам, взгляд его был полон недоверия. — Что вы сделали? Я думал, вы просто схватили их.— Это я, — ответил Сэл, — и они переживут все преступления, что совершили, в своем сознании и на своих телах, с самими собой в качестве жертв, прежде чем деревья их отпустят. Их наказание начнется с восходом солнца.Рагнук вздрогнул, в его глазах мелькнуло отчаяние.— Напомни мне никогда не гневить тебя, — прошептал он, — может, я и гоблин, но даже я предпочту лезвие в животе, чем это.— О, это их не убьет, — заверил Сэл, пожав плечами, — смертельный удар не будет для них смертельным — они просто почувствуют, что умирают. Я уверен, что после того, как они переживут свои деяния, они все равно смогут уйти — переживать одно и то же ночь за ночью в своих снах, пока не пожалеют.— Просто попроси мой меч, когда я обидел тебя, — проговорил Рагнук, обращаясь к Сэлу, — я отдам его тебе безвозмездно, и ты сможешь пронзить меня, хорошо, Морганаадт? Это определенно будет предпочтительнее, чем такое наказание.Сэл лишь пожал плечами, его взгляд был равнодушен.— Как скажешь, вождь, — безразлично ответил он, а затем повернулся к мальчику-гоблину. — Следующие дни ты должен оставаться в постели. Ты сможешь встать, когда твоя мать поможет тебе, но мы должны подождать, пока действие заклинания уляжется и твои раны немного заживут.— Что с его магией? — спросила мать, тревога звучала в ее голосе.— Как только он исцелится, у него не должно быть с ней проблем. Но я бы рекомендовал ему не заниматься магией в течение следующих двух недель. Моя магия может взаимодействовать, когда он будет пытаться — а этого мы не хотим.— Итак, что ты будешь делать теперь, Морганаадт? — спросил Рагнук, его тон был любопытным.Сэл снова пожал плечами.— Я только что вернулся в Британию, — ответил он, — я думал остаться и заново выучить языки. Кажется, они немного изменились с тех пор, как я был здесь в последний раз. Потребуется некоторое время, чтобы пополнить мой словарный запас. Может быть, я буду работать целителем…— Как насчет того, чтобы пойти с нами на ночь? — предложил Рагнук, — завтра ты сможешь решить, чем хочешь заниматься…На мгновение Сэл подумал об отказе, но понял, что это будет оскорбительно, и поэтому согласился. И вот он снова втянулся в войну между гоблинами и колдунами, разыскивая на полях сражений раненых, защищая женщин и детей, работая вместе с гоблинами-целителями и кланами. Его сын следовал за ним повсюду, как тень, одновременно учась сражаться у гоблинов. Его сын также нашел у гоблинов профессию ученого и начал работать в их архивах. Сэл позволил ему быть таким. Родной отец Сала никогда не подталкивал его к профессии, и Сал никогда не сделал бы этого со своим сыном. Если Анастасий хотел быть ученым и прожить жизнь за пыльными свитками, то так тому и быть. Сэл не станет его останавливать.И так они постепенно отдалились друг от друга, особенно после того, как Анастасий наконец научился и смог охотиться в одиночку, когда ему исполнилось тридцать два года. После этого Анастасий все еще иногда возвращался к Салу, чтобы подкрепиться, но такие случаи случались все реже и реже — особенно когда Сал был на поле боя, а Анастасий в архивах, и оба работали, находясь порой в милях и милях друг от друга. Поэтому Сал лечил, искал на полях сражений и помогал гоблинам. Последней его помощью, наконец, станет нейтральная сторона в мирных переговорах. Но это будет почти сорок лет спустя.

http://tl.rulate.ru/book/93005/3082604